

За пределами района зазвучал назойливый гудок, и Цзян Чжаосюэ в ночной тьме посмотрела на освещенную фигуру Цэнь Лубай.

Ощущение реальности.

Она нерешительно подошла ближе. Цэнь Лубай опустила стекло автомобиля, и перед глазами предстало лицо: брови словно далекие горы, глаза — чистые ручьи, спокойные и нежные.

Настоящая.

Цзян Чжаосюэ обрела голос:

— Ты еще не уехала?

Цэнь Лубай ответила с обезоруживающей прямоотой:

— Задержалась из-за телефонного звонка.

Цзян Чжаосюэ засомневалась.

Цэнь Лубай спросила:

— Что-то случилось?

Цзян Чжаосюэ не стала скрывать:

— Тань Шужу... Жун Чжи сняла квартиру, обычную однушку.

Цэнь Лубай поняла, что та имела в виду. Она кивнула, разблокировала двери машины и жестом пригласила:

— Садись.

На этот раз Цзян Чжаосюэ не стала церемониться, кивнула, открыла дверь и села в салон, уже с некоторой привычкой.

Цэнь Лубай наблюдала, как та пристегивает ремень, и в глубине ее глаз промелькнула едва уловимая нежность.

Машина тронулась и выехала из района. Теплый желтый свет уличных фонарей проникал сквозь стекло, окутывая их двоих, разгоняя ночную прохладу.

— Я попросила Яоя переговорить с людьми в индустрии. Если у Жун Чжи все равно возникнут проблемы на работе, и тебе будет удобно об этом рассказать, не забудь сказать, — спокойно произнесла Цэнь Лубай, глядя вперед.

На сердце у Цзян Чжаосюэ потеплело: Цэнь Лубай была невероятно внимательна. Она прикусила губу и тихо прошептала:

— Опять я доставляю тебе хлопот.

Знает, что виновата, но все равно благодарит.

— Это не хлопоты, — негромко ответила Цэнь Лубай. Помолчав несколько секунд, она рассудительно добавила: — Иногда мне кажется...

— М?

Цэнь Лубай повернула голову и посмотрела на нее, уголки ее губ слегка приподнялись:

— Ты могла бы считать меня чуточку более могущественной.

В ее голосе слышалась легкая досада.

Цзян Чжаосюэ:

— ...

Она видела, как в глазах Цэнь Лубай мерцают искорки света, словно ласковое озеро. Казалось, когда они оставались вдвоем, эмоции Цэнь Лубай становились куда более открытыми.

Цзян Чжаосюэ не удержалась и, опустив голову, улыбнулась.

Цэнь Лубай тоже улыбнулась в ответ.

Атмосфера стала непринужденнее, и Цэнь Лубай спросила:

— Хочешь послушать музыку?

Цзян Чжаосюэ ответила:

— Как хочешь.

Цэнь Лубай попросила:

— Тогда включи что-нибудь на свой вкус.

Цзян Чжаосюэ согласилась. Она наклонилась к сенсорному экрану. Вкусы у них были очень похожи, и почти каждая песня в плейлисте ей нравилась. Она наугад выбрала привычную инструментальную композицию, и в салоне зазвучали чистые, словно родниковая вода, медленные и мелодичные звуки фортепиано, приносящие покой.

Напряжение, державшее Цзян Чжаосюэ весь вечер, невольно отступило.

Она вспомнила о своем наказе и сказала:

— Подарки на праздник я выберу в торговом центре в субботу, тебе не нужно специально тратить на это силы.

Цэнь Лубай, казалось, была очень покладистой и ответила:

— Хорошо.

Цзян Чжаосюэ сбросила с себя груз.

В первый их совместный праздник она еще плохо знала Цэнь Лубай, а та была очень занята, поэтому Цзян Чжаосюэ стеснялась беспокоить ее подобными формальностями. Но она не ожидала, что в тот понедельник, когда она собиралась ехать поздравлять родителей одна, Цэнь Лубай сама выйдет на связь и уточнит дату визита.

Цзян Чжаосюэ не была готова и, договорившись о времени, забыла предупредить о подарках. Цэнь Лубай тогда ничего не сказала, и напоминать об этом позже показалось бы намеком.

Проколебавшись, она так и не отправила то сообщение.

В итоге, когда в день визита Цэнь Лубай припарковалась у поворота, водитель выгрузил половину багажника подарков, чем вызвал переполох среди соседей. Такой размах, конечно, польстил Цзян Сину и Сунь Цин, заставив их гордиться, но самой Цзян Чжаосюэ было неловко еще долгое время.

Она всегда чувствовала, что не заслуживает этого и не может отплатить тем же.

Поэтому в этом году она специально запомнила и заранее «подстелила соломку».

Только вот она никак не ожидала, что Цэнь Лубай, закаленная в делах, окажется такой хитроумной, мастерски владеющей искусством обходить острые углы!

В воскресенье, когда они приехали к дому семьи Цзян, стоило водителю открыть багажник, как там снова обнаружилось полно подарков.

Цзян Чжаосюэ, держа в руках свои два пакета, посмотрела на Цэнь Лубай.

Та улыбнулась с невозмутимым спокойствием:

— Пойдем, с вещами нам поможет дядя Чжэн.

Цзян Чжаосюэ:

— ...

Они вдвоем помогли донести несколько пакетов и пошли рядом, указывая дорогу, а водитель следовал за ними, нагруженный подарками, словно живое дерево с презентами.

Прохожие, знакомые и незнакомые, не могли удержаться и оглядывались на них.

Цзян Чжаосюэ шла, опустив голову, и молчала — она немного сердилась на то, что Цэнь Лубай поступила по-своему.

Цэнь Лубай же вела себя как ни в чем не бывало. Встречая знакомых соседей Цзян Чжаосюэ, она останавливалась рядом, вежливо и мягко улыбалась и выслушивала их приветствия.

Она дала Цзян Чжаосюэ максимум уважения.

Цзян Чжаосюэ немного поупрямилась, но, взглянув на ясное, красивое лицо Цэнь Лубай, решила, что ведет себя неблагодарно. Ведь Цэнь Лубай хотела как лучше.

Словно воздушный шарик, который внезапно прокололи, ее гордость быстро сдулась. Заметив, что нежные пальцы Цэнь Лубай покраснели от ручек пакетов, она молча протянула руку и помогла нести часть.

Цэнь Лубай не отпустила пакеты, тихо сказав:

— Все в порядке, не тяжело.

Цзян Чжаосюэ прикусила губу, не желая уступать.

Цэнь Лубай искоса наблюдала за ней и, увидев, что напряженная линия челюсти, державшаяся с самого выхода из машины, наконец расслабилась, едва заметно улыбнулась.

Через три минуты они были у дверей дома Цзян.

Цзян Син и Сунь Цин еще на неделе узнали новости от дочери, вчера допоздна убিরались, а сегодня с самого утра открыли дверь, ожидая их прихода.

Им даже не пришлось стучать. Цзян Чжаосюэ позвала:

— Папа, мама!

Цзян Син, Сунь Цин и Цзян Циньфэн, которые ждали у дивана, заваривая чай, тут же обернулись.

Цэнь Лубай следом поздоровалась:

— Папа, мама, Циньфэн.

Она держалась уверенно и спокойно, голос звучал мягко, отчего уши Цзян Чжаосюэ начали гореть.

Сунь Цин отозвалась, Цзян Циньфэн сладко пропел: «Сестренка, сестра Лубай», Цзян Син тоже одобрительно закивал.

Цэнь Лубай жестом показала водителю занести вещи, и Сунь Цин, только тогда заметив, сколько их, поспешила на помощь.

— Ох, вечно ты привозишь столько всего, — в ее голосе звучал упрек, но в уголках глаз светилась радость.

Дело было не в жадности до подарков, а в том, что проявленное Цэнь Лубай уважение было ей очень приятно и успокаивало — это косвенно подтверждало, что жизнь Цзян Чжаосюэ в семье Цэнь была хорошей, и показывало, насколько Цэнь Лубай ценит и бережет ее.

Водитель переобулся, Цзян Син тоже встал, помогая:

— Не надо, не надо разуваться, проходите так.

Цзян Чжаосюэ взглянула на Цэнь Лубай, передала вещи Сунь Цин и, пользуясь моментом, решила подколоть:

— Вот эта «товарищ Цэнь» рядом со мной — упрямица. Каждый раз устраивает такой переполох, как ни уговаривай — не слушает.

В этих словах сквозила некая нежность, основанная на уверенности в поддержке.

Сунь Цин с любовью посмотрела на Цэнь Лубай — теща, глядя на зятя, с каждым разом видела в нем все больше достоинств, и проворчала:

— Ну что ты такое говоришь.

Цэнь Лубай даже не стала спорить, лишь улыбнулась, светясь изнутри.

Цзян Син, неся вещи к журнальному столику, пригласил:

— Цэнь, пей чай, это тот, что ты давала в прошлый раз.

Цэнь Лубай естественно ответила:

— Хорошо. Папа, вам чай по вкусу? В этот раз я привезла желтый чай, можете попробовать и его.

Как же складно, как же умело она играла роль идеального «зятя».

Уши Цзян Чжаосюэ уже горели огнем. Глядя на то, с каким спокойствием та держится, она чувствовала себя неловко.

Но она знала, что опыт приходит с практикой: за год с лишним, после бесчисленных подобных встреч, Цэнь Лубай действительно стала справляться с этим куда легче.

Они немного поболтали за чаем, и, видя, что Цэнь Лубай ведет себя непринужденно и нравится отцу, Цзян Чжаосюэ со спокойной душой ушла на кухню помогать матери готовить обед.

Сунь Цин, чистя рыбу, подняла глаза и поспешно сказала:

— Зачем ты пришла? Здесь гарь, еще запачкаешься.

Цзян Чжаосюэ не обратила внимания, поправила волосы, надела фартук, закатила рукава и сказала:

— Захотелось твоей рыбы.

Сунь Цин замерла, и морщинки в уголках ее глаз мгновенно сложились в улыбку.

— Ладно, ладно, тогда рыбу доверю тебе.

Она отошла в сторону, уступая место дочери.

В этот приезд было видно невооруженным глазом, что отношения Цзян Чжаосюэ и Цэнь Лубай стали лучше, чем полгода назад, и Цзян Син был искренне рад.

Обед прошел душевно. Вечером, когда Цзян Син уже лежал в постели, они с женой обсуждали, что дочь не из тех, кто проявляет много чувств, и, может, стоит расспросить ее, не поссорились ли они с Цэнь Лубай.

Вспомнив, как Цзян Чжаосюэ днем меланхолично бросила: «Мы так долго не могли увидеться», они еще больше уверились в своей догадке. Брак по расчету, основа отношений не самая прочная, да еще и видятся редко — проблем не избежать.

От этих мыслей они оба плохо спали, и хотя Цзян Син ворчал на жену, что та выдумывает небылицы, было видно, что и он сам не спал — даже храп стих.

Хотя поначалу они не одобряли этот брак, думая, что Цзян Чжаосюэ просто психанула из-за давления на свиданиях вслепую, но, увидев Цэнь Лубай, поняли, что ошибались.

Цэнь Лубай была выдающейся во всех отношениях: внешность, манеры, речь — все было безупречно.

Если не брать в расчет пол и происхождение, они с дочерью были идеальной парой.

Но теперь, когда однополые браки разрешены, а у семьи Цэнь есть деньги и власть, пол отошел на второй план. В конце концов, под защитой семьи Цэнь, они верили, что никто не посмеет смотреть на них косо или усложнять им жизнь. Они люди простые, никогда не стремились прыгнуть выше головы, но, отдавая дочь в такую семью, опасались, что ее могут обидеть.

Раз уж Цзян Чжаосюэ настояла на своем и все уже решено, им оставалось лишь надеяться, что она будет счастлива.

Мать и дочь хлопотали, беседуя, и не заметили, как стрелки часов на стене пробежали полкруга.

Ближе к двенадцати обед был готов.

Цзян Чжаосюэ позвала всех к столу, заодно попросив Цзян Циньфэна помочь вынести чашу с рыбой в остром соусе. Цэнь Лубай без тени высокомерия тоже помогла, и семья собралась вместе.

Цзян Чжаосюэ помнила, что Цэнь Лубай не очень любит острое, поэтому в этот раз положила меньше перца, но крупинки все равно попадали на рыбу.

Боясь, что Цэнь Лубай постесняется, а она всегда ела изящно, Цзян Чжаосюэ, сидя рядом, постоянно подкладывала ей рыбу общими палочками, выбирая самые нежные кусочки без костей и счищая остатки перца.

Цэнь Лубай все равно покраснела от остроты, ее щеки горели, как от румян, но взгляд был нежным, словно вода.

Цзян Син, сидевший во главе стола, обменялся взглядом с Сунь Цин, и в глазах друг друга они увидели облегчение.

После обеда они посидели еще немного, а затем, не желая мешать отдыху семьи, засобирались уходить.

Цзян Син, Сунь Цин и Цзян Циньфэн проводили их до дверей. Цзян Циньфэн на прощание решил уточнить:

— О, сестра Лубай, а на праздник вы будете в отпуске? Можно будет посмотреть квартиры во время каникул?

Цэнь Лубай улыбнулась:

— В любое время, просто свяжись со мной.

Цзян Чжаосюэ замерла, ее взгляд метнулся от отца и брата к Цэнь Лубай, и она запоздало поняла, что, должно быть, они только что обсуждали это на кухне с мамой.

Она вопросительно посмотрела на Цэнь Лубай, и та пояснила:

— У Бэйна каждый год есть несколько мест с внутренней скидкой для сотрудников. Мы как раз заговорили о том, что Циньфэн собирается покупать квартиру, и я сказала ему связаться с моими людьми напрямую, чтобы не терять скидку.

Цзян Чжаосюэ не знала, что и сказать.

Глядя на радостные лица родителей и брата, она почувствовала странное волнение — кисло-сладкое, но согревающее.

Дома было много людей, и она не могла показать свои чувства, поэтому лишь спокойно ответила:

— Я думала, это дела Цэнь Тина, это не создаст неудобств?

Цэнь Лубай улыбнулась, легко и непринужденно:

— Мы же семья, какие тут неудобства.

Они еще немного постояли у дверей, обменялись парой слов и, наконец, под взглядами семьи Цзян спустились вниз.

Лишь когда они скрылись из виду и отошли от дома, Цзян Чжаосюэ решилась спросить:

— Это правда не создаст проблем?

Цэнь Лубай шла рядом, все еще сохраняя ту близость, которую демонстрировала перед семьей Цзян.

Северный ветер донес до Цзян Чжаосюэ тонкий древесно-цветочный аромат ее духов — зрелый, холодный и в то же время скрывающий нежность, очень похожий на саму Цэнь Лубай.

Цэнь Лубай отозвалась:

— М?

Цзян Чжаосюэ уточнила:

— Насчет Цэнь Тина.

Цэнь Лубай тихо рассмеялась и внезапно остановилась.

Цзян Чжаосюэ тоже остановилась и обернулась.

Цэнь Лубай спросила:

— Помнишь, что я говорила в машине пару дней назад?

Цзян Чжаосюэ дрогнула ресницами, и в голове молнией пронеслось то самое, чуть досадливое: «Ты могла бы считать меня чуточку более могущественной».

Она не сдержала улыбки.

Цэнь Лубай поняла, что та вспомнила, тоже приподняла уголки губ и снова пошла вперед:

— Ничего страшного. Если я подарю квартиру родственнику жены, что может сказать Цэнь Тин?

— К тому же, — она покосилась на нее, — считай это взяткой.

Цзян Чжаосюэ удивилась.

Цэнь Лубай ответила:

— Чтобы, когда придет время и возникнут проблемы, ты была на моей стороне.

Едва она закончила, из переулка выскочил электроскутер, направляясь прямо на них.

Цэнь Лубай кончиками пальцев коснулась пальцев Цзян Чжаосюэ, мягко потянув ее за собой.

Плечом к плечу, глаза в глаза.

— Цэнь, — тихо позвала она.

<http://bllate.org/book/18697/1807086>